

определила еще одну особенность их философии, которая соединяется с ее гуманистической направленностью – *пророческую обращенность к судьбам человечества*. Их волновали перспективы реализации человечности. Так, Н.А. Бердяев считал, что перед человечеством два пути: осуществление и обогащение полноты человечности (бого-человечность) и извращение идеи человека (зверино-человечность). Будущее человечества зависит от того, насколько разумно оно сделает свой выбор.

В современных условиях, когда происходят глубинные сдвиги в человеческой судьбе и сознании, когда субъективизация человеческого бытия, культивирование власти и богатства ведут к деформации общественных отношений, разрушению подлинно человеческого в человеке, когда нависла угроза самоуничтожения и со всей остротой и трагичностью встал вопрос: «Быть или не быть?», особую актуальность приобретают высшие духовные ценности: доброта, совестливость, правдоискательство, человеколюбие, которые провозглашали в период серебряного века великие русские философы, пытаясь постичь параметры русской души.

ⁱ Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М., 1995. С. 298.

ⁱⁱ Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 254.

ⁱⁱⁱ Соловьев В.С. Идея сверхчеловека // Соловьев В.С. Сочинения. М., 1994. С. 312.

^{iv} Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве // Соловьев В.С. Сочинения. М., 1994. С. 78.

ЧЕРЕПАНОВ С.Г.

г. Екатеринбург

ДУХОВНЫЙ КРИЗИС В РОССИИ: О ЕГО ИСТОКАХ И ПОСЛЕДСТВИЯХ

Долгое время в России практически ничего не говорилось о духовном начале в человеке. Человека и общество было принято – принято порой и сейчас – рассматривать исходя из социально-экономического контекста, следуя давней марксистской традиции. Вероятно, следуя той же традиции, нынешние реформы в России направлены прежде всего на экономические преобразования. Но человек в своей качественной специфике является существом духовным. Трудно назвать области жизнедеятельности человека, где духовность была бы не представлена. Поэтому вполне правомерным является утверждение, что российский кризис в сфере экономики и политики не только обуславливает собой кризис духовный, но и обусловлен им.

Россия сегодня переживает духовный кризис. На это, как правило, возражают, что с духовным кризисом человечество сталкивается на протяжении всей своей истории. Возражение правомерно, но проблема заключается в том, насколько глубок и драматичен данный кризис. Россия никогда не переживала более драматичного и глубокого кризиса в плане духовности, чем теперь.

С другой стороны, человек кризисной эпохи склонен не замечать кризиса, так же как падший человек слеп к своему греху и не видит своего падения. Но кризис есть, и самые чуткие в духовном отношении люди России говорят о нем.

Самым непосредственным образом истоки этого кризиса обнаруживаются в социально-политических и экономических преобразованиях начала девяностых. Трагический перелом, который многие правомерно отождествляют с революцией, как и большевистская революция начала прошлого века, еще раз подрубил корни народной души. Нет спора, что реформы в России того времени были неизбежны, что политика, экономика и идеология социализма изживали себя. Однако тот способ, которым осуществлялись преобразования, был очень жесток и по сути мало, чем отличался от большевистских методов руководства. Русский народ в очередной раз оказался подопытным кроликом в руках чучки безжалостных экспериментаторов. Под воздействием шоковой экономической терапии народ вынужден был ломать себя, приспосабливаясь к новым нечеловеческим условиям, отбрасывая вместе с

отжившими идеалами те исконно народные гуманистические идеалы и ценности, следуя которым этот народ являлся одним из самых культурно и духовно богатых народов мира. В конце двадцатого столетия в России начался процесс дегуманизации народа – его обесчеловечивания и обезличивания, и процесс этот продолжается до сих пор.

Резко введя в стране условия рыночного хозяйствования, лишив людей средств к существованию, тогдашние руководители хотели приобщить русского человека к буржуазным ценностям и таким образом сделать из него рыночного человека – человека, для которого экономическая выгода заслоняет все другие его интересы. И надо сказать, им это удалось. Голодный человек поклоняется хлебу земному, и даже когда он насытился, он в нем видит свой идеал. Зная хлеба земного развивается над Россией. Это значит, что человек рассматривается здесь как ничтожная тварь среди других тварей. Он такой же как и все биологические организмы, которым, чтобы оставаться таковыми, необходимо питание, а сверх этого – ничего. Это значит, что все остальные ценности – ценности духовного порядка: знание, красота, справедливость и др. – если и имеют какое-то значение, то только подчиненное материальному. Человек видит себя как существо только с материальными потребностями и отдается во власть того, что удовлетворяет их. Современная Россия соблазнилась маммоной. И это самый печальный факт, произошедший с ней за последнее десятилетие. В этом и заключается духовный кризис современной России – в том, что человек не видит и не признает в себе специфически человеческого, не признает в себе духовного начала. Очевидно, поэтому для него и не существует духовного кризиса.

Человек – существо сверхприродное и сверхбиологическое. Достоинство человека заключается в возможности преодолевать в себе действие природного начала. В своем непосредственном, экзистенциальном и личностном бытии я обнаруживаю себя прежде всего как дух. Все остальное имеет по отношению ко мне внешнее или вторичное значение. Если я отдаюсь во власть внешних по отношению ко мне факторов, например, – голоду, который вторгается в мое духовное существо как нечто трансцендентное и постороннее ему, и если я отождествляю себя с голодом, то причина этого лежит во мне, – в этом заключается моя сверхприродная свобода. Дух остается первичным и тождественным со мной. Голод же – это отчужденный, действующий независимо от меня, феномен, отдаваясь которому, я частично теряю себя. Человек есть дух, и находясь в духе, человек находится в себе. Это также выражается и в быденном языке: «быть вне себя» и «быть не в себе» часто отождествляется с «быть не в духе» и, значит, быть в чем-то другом. Реализуя себя в качестве духовного существа, человек реализует себя в качестве человека. Если же человек отдается чему-то другому, внешнему по отношению к нему, отождествляет себя с этим внешним, то он обесчеловечивает себя и человеческую реальность. Беда нашего времени в том, что человек заморожен внешним, грубой фактичностью внешнего мира, и через это внешнее человек видит свое внутреннее, которое само по себе не так принудительно воздействует, как материальная природа, но зато более онтологичнее. В этой замороженности человек теряет себя, растрчивает себя в пустую, не находя при этом нужного удовлетворения.

Нет слов, насколько велика сила соблазна, охватившего сегодня наш народ. Видя могущество и достижения западноевропейской цивилизации, видя, насколько это могущество дает возможность удовлетворения внешних потребностей человека, трудно не поддаться и не преклониться перед ним. Так Достоевский, побывав на лондонской выставке научно-технических достижений того времени, видя массы народа, собравшегося со всего мира и благоговейно взирающего на эти достижения, видит во всем этом нечто апокалипсическое, библейские картины царства Ваала, подчиняющего людей своим земным могуществом, и замечает как трудно духовно противостоять этому апофеозу промышленного духа капитализма и не преклониться перед ним, не признать его за конечную цель всего свершающегося в истории: «Уж не это ли в самом деле достигнутый идеал? – думаете вы; не конец ли тут? Не это ли в самом деле «едино стадо». Не придется ли принять это и в самом деле за полную правду и занеметь окончательно. Все это торжественно, победно и гордо, что

вам начинает дух теснить. (...) Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилоне, какое-то пророчество из апокалипсиса, воочию свершающуюся. Вы чувствуете, что много надо векового духовного отпора и отрицания, чтобы не поддаться, не подчиниться впечатлению, не поклониться факту, не обоготворить Ваала, т. е. не признать существующее за свой идеал»¹.

Сегодня Россия поддалась впечатлению, поклонилась и приняла за идеал то, в чем Достоевский увидел царство Ваала, и потому вынуждена смириться с теми бесчеловечными последствиями, которые порождает такое поклонение.

Человек отдается во власть бездуховных, бесчеловечных и безличных факторов, и потому постигает себя как существо бездуховное, как некую уникальную вещь в ряду других вещей мира. Однако, как бы не постигал и каким бы не видел себя человек, он всегда остается духовным существом, чтобы оставаться человеком.

Современная западная психология, в лице ее замечательного представителя В. Франкла, утверждает о наличии в человеке вытесненного духовного бессознательного². Согласно Франклу, существует не только инстинктивное бессознательное, изучаемое классическим типом психоанализа, но и бессознательная духовность. Современный человек, понимая себя как существо прежде всего психофизиологическое, подавляет в себе духовное начало, вытесняя его в сферу бессознательного. В качестве такового человек стремиться к удовлетворению природных влечений, но в качестве вытесненного духовного существа он устремлен к смысловой наполненности жизни и потому не удовлетворен психофизиологической сытостью. Это значит, что в глубине своего духовного бессознательного человек не довольствуется экономическим счастьем. Он удовлетворен только тогда, когда он реализует в себе подлинно человеческое начало, направленное в свою очередь на реализацию чего-то большего и высшего, чем сам человек. Франкл говорит об экзистенциальной фрустрации у современного человека, когда тот не в силах проявить свое подлинное личностное существо, когда его стремления к смыслу затемняются стремлением к удовлетворению инстинктивных влечений. Экзистенциальная фрустрация чревата особым рода неврозами, называемыми Франклом ноогенными, т.е. идущие от неудовлетворения духовных потребностей человека. Тоска, скука, стремление забыться в алкогольном, наркотическом опьянении, в низких развлечениях свидетельствуют об экзистенциальной фрустрации человека, которая может быть весьма болезненна для него. Это также говорит и о том, что дух в человеке хотя и подавлен, но все же проявляет себя.

Если мы вновь обратимся к современному состоянию нашей страны, то можно сказать, что Россия сегодня находится в состоянии экзистенциальной фрустрации. Духовность вытесняется на задний план социальной жизни, и все более доминирующими в российском обществе становятся бездуховные факторы. Конечно, немаловажную роль здесь играет царящая в стране бедность. Жизнь большинства россиян протекает в непрекращающейся заботе о хлебе насущном, порожденной в свою очередь страхом перед экономической необеспеченностью будущего. Невозможно не согласиться с тем, что это один из мощнейших факторов, усиливающий кризис духовности в России. Но очевидно и то, что экономическая обеспеченность и материальное богатство не сделают автоматически Россию счастливой страной. Материальное благосостояние - необходимое средство, но не конечная цель человеческого бытия. Экономическая сытость еще более остро поставит проблему духовности, обнажив духовный голод человека. В. Франкл отмечает, что более всего ноогенные неврозы распространены в самых богатых странах мира.

Другой фактор, усиливающий духовный кризис в России и непосредственно связанный с первым, - это царящая в российском обществе идеология успеха. Стремление к успеху любой ценой не всегда служит двигателем экономического развития, но зато является деструктивным фактором в духовной жизни общества и человека. Главное в этой идеологии - не получать удовлетворение от качественно выполненной работы и соответствующее вознаграждение за нее, а гонка за прибылью любыми средствами. Это - вечная спешка, чтобы успеть; это - борьба тщеславий, гонка за столь осязательным, но призрачным

счастьем. Успеть, чтобы до смерти получить это счастье, но при этом эта спешка требует всей жизни. Вот поистине жизнь становится средством жизни, выражаясь словами Маркса. Сознание людей околдовано фантазмом экономического счастья, которая постепенно превращается в коллективную мечту наподобие идеи коммунизма в начале прошлого века. Этот фантазм пробуждает в человеке хаос низменных страстей, влечений, которые в свою очередь объективируются в социальном хаосе и духовной разобщенности. Между тем, эта идеология приобрела всеохватное значение она поддерживается государством, распространяется в СМИ, служит идеологической базой современного образования и особенно популярна среди молодежи.

В плане социальном – более масштабном, но и более поверхностном – Россия сегодня представляется погруженной в духовный вакуум. С этой точки зрения человек видится полностью вмещенным в плоскость обыденной жизни, объективированным существом среди других объектов мира. Однако в плане экзистенциальном духовное измерение человеческой реальности дает о себе знать, и перед человеком встает вечный вопрос о конечном смысле бытия.

После того, как потерпела крах самая мощная утопичная идея за всю историю человечества – идея коммунизма, в какой-то степени удовлетворяющая смысло-жизненные потребности человека, в русском народе началось и до сих пор продолжается духовное брожение. И это одно из самых ярких проявлений российского духовного кризиса, которое в общем то не случайно для России. Многими исследователями отмечалось, что душе русского народа присущ духовный поиск, стремление к чему-то безусловному. «В России, в душе народной есть какое-то бесконечное искание, – пишет Н. Бердяев, – искание невидимого града-Китежа, незримого дома. Перед русской душой открываются дали и нет очерченного горизонта перед духовными ее очами. Русская душа сгорает в пламенном искании правды, абсолютной, божественной правды и спасения для всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни. Она вечно печалится о горе и страдании народа и всего мира, и мука ее не знает утоления. Душа эта поглощена решением конечных проклятых вопросов о смысле жизни»ⁱⁱⁱ. Несмотря на то, что русский народ, пройдя через множество испытаний прошлого столетия, во многом повзрослел, но кое-что, о чем писал Бердяев в 1915 году, актуально и сейчас.

Множество разного рода учений, сект, проповедников хлынули со всех сторон мира в Россию. Страна находится в духовном поиске, и это используется многими в своих интересах. Россия находится в духовном блуждании, часто заблуждаясь, и блуждания эти выливаются в ложные формы сектантства, философских эзотерических учений и школ. Понятно, что все это не способствует преодолению существующего кризиса, но еще более его усугубляет. Большинство этих сект и школ не дают человеку искомого смысла, но только замещают его иллюзорным удовлетворением не менее иллюзорной полнотой бытия, часто деструктивно воздействуя на психику, ввергая человека в массовое безумие. Одной из фундаментальных причин, почему современный русский человек легко отдается во власть этих псевдодуховных структур, заключается в отсутствии в сегодняшней России явной духовной традиции – точнее, не в отсутствии, а в ее потере.

Сегодня русским людям трудно ощущать себя единым народом, т. к. он (народ) не ощущает себя единым в историческом времени. Пережив в прошлом веке две радикальных революции, которые во многом были настроены на борьбу с прошлым, сегодняшняя Россия – это страна без корней, без духовной традиции. Прошлое русского народа сегодня не приемлется им, рассматривается как нечто чуждое, не живущее и не присутствующее органично в настоящем. Оттого русский народ ощущает себя денационализированным и потерянным. Это еще один из аспектов духовного кризиса в России.

Духовное бытие человека не отделимо от его национального бытия. Только в новоевропейском стиле мышления дух понимается в качестве отвлеченного разума, а национальность и этническая принадлежность – как нечто акцидентальное, случайное. В действительности духовное бытие, хотя и сверхнационально в своих вершинных

проявлениях, но в своих корнях оно глубоко спаяно с национальным и практически не мыслимо без него. Только в низменных, биологических потребностях человек не национален. В духовном же плане национальность более экзистенциальна и онтологична, чем отвлеченная рассудочность плоского глобализма.

Вне единства с национальной духовной традицией мы не можем по настоящему привязаться к чему-то подлинному, а, следовательно, обрести подлинный смысл бытия. Вне этого единства мы лишаемся возможности найти то, что Хайдеггер назвал измерением священного. Современный человек лишен этого измерения, что обесценивает мир, лишает его высшей ценности. Однако человек только потому остается человеком, что преодолевает в себе данное и устремлен к высшему. Трудно не согласиться с Достоевским в том, что человеку необходимо перед чем-нибудь преклониться. Иначе говоря, человеку присуща религиозная потребность. Отринув высшее, человек преклонится перед низшим. Отринув Бога, человек преклоняется перед созданным своими руками идолом. Так и было в нашей истории. Отказавшись от Бога, русский народ создал образ человекобога Сталина, а отказавшись от потустороннего Царства Божьего, он устремился к коммунизму. Коммунизм и человекобожество – это своего рода искаженные модификации религиозной идеи, в некоторой степени удовлетворявшие религиозную потребность человека, дававшие смысл и силы его существованию. Сегодня старые кумиры рухнули, но потребность в священном, в чем-то высшем, в чем человеческий дух успокоится, обретет полноту бытия и единство с миром, остается.

Сегодня настала пора возвращаться к истокам и собирать камни, ибо бессмысленно творить новых идолов, они дают только иллюзорное удовлетворение. Попирая в себе образ Божий, современный человек все более культивирует в себе образ зверя. Современная цивилизация сделала человека могущественным над внешней природой, но внутренне не сделала человека лучше и выше. Идеология просвещения и атеистического гуманизма сегодня терпит поражение. Поэтому настало время возвращения к Богу – к той высочайшей святине, которой поклонялись наши предки до драматичных событий прошлого века. Пока русский народ, одержимый иллюзорными мечтами, заигрывался идеями о построении совершенного и благополучного общества, образ этой святости сохраняла Православная Церковь. Государство и система образования не в силах преодолеть сложившийся в российском обществе духовный кризис, т. к. они сами во многом ему подвержены. Сегодня только Церковь подлинно возрождает духовную традицию русского народа, воссоединяя тем самым наше печальное настоящее с утерянным прошлым, целительно восстанавливая наше исковерканное историческое время и историческое единство народа. Через это воссоединение прошлое начинает жить в настоящем, а настоящее обретает вечный смысл перед лицом будущего...

ⁱ Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 4 т., М., 1956, Т. 4, стр.93.

ⁱⁱ Франкл В. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. С-Пб., 2000, стр.225.

ⁱⁱⁱ Бердяев Н. Судьба России. М., 1918, репринт. изд. МГУ, 1998, стр. 13.